
ЧТО СТОИТ ЗА ВЫСТУПЛЕНИЕМ СТУДЕНТОВ ГАРВАРДА ПРОТИВ ЛЕКЦИЙ ГРЭГОРИ МЭНКЬЮ?¹

МОСКОВСКИЙ Александр Иванович, кандидат экономических наук, доцент,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

Недавно произошло очень неординарное событие в Гарвардском университете. Семьдесят студентов первого курса университета отказались слушать (walkout – объявили забастовку) лекции по вводному курсу макроэкономики профессора Грэгори Мэнкью. По некоторым другим оценкам студентов-забастовщиков было не 70, а только 60, но в любом случае это существенно больше, чем 7 студентов, пытавшихся задать неудобные вопросы президенту Д.А. Медведеву на его недавней встрече со студенческой молодежью на факультете журналистики в МГУ, которые были задержаны охраной. 2 ноября 2011 года студенты-«забастовщики» опубликовали «Открытое письмо Грэгю Мэнкью»², в котором выразили свое решительное несогласие с тем, как излагается им вводный, базовый курс по экономической теории. Они были разочарованы этим курсом, поскольку надеялись, что он даст им возможность получить основы экономической науки для их дальнейшей деятельности, которую они не связывали с собственно экономической теорией, а предполагали «свое участие в государственном управлении, в решении проблем окружающей среды, в публичной политике и другими связанными с ними сферами деятельности». Студенты отметили, что они знакомы и с другими подходами в понимании основ экономики – такие курсы тоже читаются в Гарварде, но они, в отличие от курса Г. Мэнкью, читаются не каждый год и не для всех, а запись на них сильно ограничена. Т. е. далеко не все студенты слушают такие курсы, но, тем не менее, знают об их существовании многие. Курс же Г. Мэнкью они назвали «очень специфическим и ограниченным истолкованием экономики».

По-видимому, это выступление студентов нельзя отделять от маршей «Захвати Уолл-Стрит», уже более двух месяцев держащих в напряжении социально-политическую атмосферу США. Но дело заключается не только в этих ближайших обстоятельствах. В действительности оно представляет собой давно идущий процесс объективных изменений экономики развитых стран и их отображения в экономической науке и экономическом образовании.

Своим заявлением, не сознавая того, студенты затронули, быть может, одну из давних и, может быть, самых болезненных точек современного экономического образования в США и Европе, а сегодня и России, а именно – монополизацию всего экономического образования всего лишь одной экономической теорией. Такой теорией, концептуальной схемой, или теоретической парадигмой в образовании экономистов стала неоклассическая теория, присвоившая звание «мейнстрима» - «главного течения» экономической мысли. Но, приватизировавшее столь высокий титул, это теоретическое направление отличается от других (пост-кейнсианство, традиционный институционализм, марксизм, радикальная

¹ Статья взята из сайта Международной политэкономической ассоциации стран СНГ и Балтии.

² Электронный адрес публикации: <http://hpronline.org/harvard/an-open-letter-to-greg-mankiw/>

политическая экономия, социальная экономика и др.) крайней бедностью собственно экономического содержания. Экономисты, находящиеся внутри этой школы, за редчайшим исключением совершенно не сознают этого её свойства. Таким исключением был Джон Хикс, которого неоклассики высоко почитают как одного из авторов модели IS-LM, являющейся неперменной частью содержания неоклассической макроэкономики. В 70-е годы, когда экономисты стали примеривать на себя понятия «парадигмы» (по Куну) и «исследовательской программы» (по Лакатосу) для обозначения существующих теоретических направлений, Джон Хикс заявил, что неоклассическая теория в качестве исключительного предмета исследований имеет обмен, сознательно отбросив такие области реальности как «производство», «воспроизводство», «общественный продукт»³, что в огромной степени ограничило её понимание вообще содержания экономики. Он предложил называть неоклассическую теоретическую парадигму каталактикой – наукой об обмене.

Именно этот момент, прежде всего, (но не он один) по существу стоит за фразой студентов об «очень специальном и ограниченном истолковании экономики» в лекциях Г.Мэнкью. Неоклассика в качестве предмета и содержания экономики видит только обмен, только рынок, идеальной формой (или «идеальным типом» - как тут обойтись без знаменитого, хотя и с сомнительной продуктивностью, понятия Макса Вебера) которого рассматривается «свободный рынок» или «рынок в условиях совершенной конкуренции». Ограниченность экономического содержания неоклассической теории почти исчерпывающим образом может быть объяснена двумя главными причинами. Есть, правда, ещё и третья причина, но она стоит особняком, поскольку не связана непосредственно ни с экономикой как реальностью, ни с теорией, исследующей и интерпретирующей эту реальность. О ней нужно говорить отдельно.

Первая причина содержательной, «предметной бедности неоклассики» заключается в тех предпосылках, которые с 1930-х годов в ней принимаются для анализа как «априорные»⁴. Во-первых, это – так называемая «рациональность выбора», в которой рациональность сведена исключительно к «максимизации полезности», словно разум, или «рацио», никаких других ориентиров для деятельности человека не содержит вообще. Кажется, только дремучим философским невежеством большей части экономистов можно объяснить сведение рациональности как участия разума, участие способности мышления в поведении человека к крайне узким рамкам «максимизации полезности». Это – «бедность разума», буквально культивируемая неоклассикой, которую Амартья Сен, американский экономист бенгальского происхождения и Нобелевский лауреат, чуть-чуть по другому поводу обозначил как «рациональное невежество». Во-вторых, это – предпосылка «рыночного равновесия», диктующая требование рассматривать любую деятельность людей «как рынок» и «только рынок», словно других видов деятельности, кроме купли-продажи, для людей не существует и «как будто» возможно существование рынка без этих других видов деятельности. «Равновесие» же означает прекращение всякого движения в экономике как предмете исследования или статичность анализа. В-третьих, это – предпосылка «неизменности предпочтений», прямо утверждающая неподвижность, статичность предмета как принцип анализа и абстрагирование от обстоятельств, формирующих эти предпочтения. В-четвертых, предпосылка «ограниченности ресурсов» означает осознанное абстрагирование экономического анализа от всякого собственно экономического развития – технологического, научного, социального, усугубляя до крайности статический подход к анализу экономики. И, наконец, в-пятых, «принцип методологического индивидуализма»,

³ Hicks, J. *Revolutions in Economics // Method and Appraisals in Economics*. Ed. By S. Latsis, L., 1976, pp. 211-212.

⁴ Развернутое обоснование этих предпосылок дано Лайонелом Роббинсом в книге Robbins, L. *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. L., 1932. В 1945 году книга эта вышла уже пятый раз и оказалась очень сильным фактором внушения экономистам специфической манеры мышления.

весь «пафос» которого («пафос» - так в тексте) с точки зрения известного российского приверженца неоклассики заключается в том, чтобы «исключить из научного рассуждения все надындивидуальные» формы экономической реальности, такие как «коллектив», «общество»⁵. Для «экономики», которая рассматривается на основе этих предпосылок, «аномалией» оказывается, например, корпорация. Корпорацию (и даже просто предприятие с большим числом работников) невозможно встроить в концептуальную схему неоклассики.

Такая «экономика» не знает феномена «возрастающей отдачи», а, следовательно, она не знает никакого технологического развития. Более того, опять же Джон Хикс однажды заметил, что признание неоклассикой «возрастающей отдачи» будет означать уничтожение значительного массива знания, которое она представляет. Иными словами, тем самым Хикс фактически утверждает, что большая часть того, что составляет сегодня «корпус экономического научного знания» неоклассики является знанием «весьма условным», или «специфическим» - по словам студентов-забастовщиков, хотя сами студенты первого курса всех этих тонкостей, наверняка, не знают. Но их способность мышления пока ещё не тронута вивисекцией «продвинутых уровней» неоклассической теории, которой подвергаются студенты второго, третьего, четвертого курса, и новички сохраняют потому еще способность беспристрастного и непредвзятого взгляда на действительность и на её отображение в якобы «научной» форме неоклассической теории. В своем «открытом письме» студенты в первом же предложении подчеркивают «изначальную предвзятость» вводного курса Г. Мэнкью – они смогли, по своей детскости, не столько, наверное, понять, сколько почувствовать это.

Другой причиной ограничения экономического содержания стала интенсивная математизация теоретических рассуждений неоклассики. Начало этого процесса было связано с расширением практики количественного анализа экономических явлений, что в исходном пункте не содержало ничего предвзятого. Наоборот, в этом виделся определенный прогресс развития экономической мысли и это определенно приветствовал А. Маршалл, хотя, например, Фрэнк Найт в 20-е годы, будучи руководителем департамента экономики в Чикагском университете, относился к увлечению своих коллег количественным анализом весьма иронически, определяя свою собственную позицию как институциональную. Кейнс уже не мог просто иронизировать над этим увлечением, и в 21 главе своей «Общей теории» подверг его острой критике, вполне сознавая опасность односторонности количественных методов анализа экономики. Едва ли не главным следствием стремления применить строгие, хотя и формальные, методы математики к исследованию экономики оказалась необходимость упрощения предмета анализа – экономики, реальности сложной и органической. И добро бы, если такие упрощения использовались в отдельных случаях и регулярно сопровождалось бы возвратом к действительности, чтобы не потерять её как предмет исследования, но в неоклассике это упрощение реальности приобрело характер непрерывного сплошного накопительного процесса. Это означало безвозвратный уход анализа от реальности в область искусственного упрощенного образа (модели!) экономики. Поэтому оппоненты неоклассики нередко называют эту теорию – *autistic economics* – т. е. «экономикой, потерявшей связь с реальностью». Но при этом среди представителей неоклассики стала отчетливо проявляться тенденция рассматривать чисто инструментальный смысл применения математики обозначать как основной момент «методологии экономического анализа». Российские неоклассики, сознавая серьезное качественное изменение, которое претерпело данное теоретическое направление, стали подобострастно искать оправдание этому и говорить, что современная экономическая теория, в отличие, видимо, от теории прежней, определяется не столько предметом, сколько методом. Так, например, А. Либман, ставя под сомнение представление о том, что «аксиоматика» теории, сохраняющая в себе непосредственную

⁵ Тамбовцев В.Л. Перспективы «экономического империализма» // Общественные науки и современность, 2008, № 5, с. 133.

близость к предмету экономики, а потому должна быть первична по отношению к «методологии», утверждает, что «...во многих случаях методология определяет выбор аксиоматики, а не наоборот...». Ему вторит С.М. Гуриев: «Уже сейчас экономику следует определять не по предмету, а по методу»⁶. Нетрудно заметить, что на предпосылках неоклассики, сформулированных в 30-е годы Л. Робинсом, и представляющих её «аксиоматику», уже лежит печать влияния интересов «математического истолкования экономики», хотя в самой книге Робинса всего один раз им использовано математическое выражение – самое простейшее. Приверженцы современной неоклассики стремятся прикрывать бедность экономического содержания своей теории, включая «продвинутые её уровни», все более изощренными математическими одеждами, которые, строго говоря, сами-то по себе никакого экономического содержания не имеют. Это последнее обстоятельство почти совершенно не осознается экономистами, преподающими микро- и макроэкономику.

Напомнить об этом попытался Морис Алле в 1990 году⁷, но это была всего «одна снежинка», которая «ещё не снег», а, кроме того, эта его статья, кажется, никогда не издавалась на английском языке. Ещё одна «снежинка» выпала недавно (но это через 20 лет после Алле!) в России, когда академик В.М. Полтерович в попытке сформулировать обстоятельства формирования «общего социального анализа» бросил почти нечаянно свой взгляд на «эконометрику» и «теорию игр», которые сегодня то ли по неведению, то ли по избытку «интеллектуальной» веры некоторые экономисты стали возносить в ранг «современной методологии мейнстрима», и заявил, что ни «эконометрика», ни «теория игр» сами по себе ничего экономического не содержат⁸. Но, если Морис Алле ясно видит угрозы «математического шарлатанства», «дикой эконометрики» и «нового схоластического теоретического тоталитаризма», то наш академик почему-то этого не замечает. Третья причина – не научная и не теоретическая, но тесно и давно с ними связанная. Она давно замечена и особым образом определена Джоном Гэлбрейтом еще в 60-е годы. Он писал, что с течением времени «экономикс», помимо собственно научных целей стал выполнять ещё одну специфическую функцию – «служить ширмой для сокрытия власти крупнейших корпораций». Неоклассическая теория в действительности выполняет очень важную идеологическую функцию – прямо или косвенно, вопреки настойчивым уверениям самих неоклассиков о том, что их теория является единственной среди других, которая идеологически никак не ангажирована, гордо указывая на своё математическое одеяние, а «математика политически нейтральна», стараясь не замечать чисто инструментальной роли математики в экономике. Но уже Хикс в указанной выше работе, заметил, что становление неоклассики (каталактики – науки об обмене) было связано с противостоянием социалистическим идеям, никак, однако, не разъясняя и не конкретизируя этого момента.

Идеологический аспект неоклассической теории в явной форме обнаруживает деятельность ряда «мозговых центров» (thinktanks), принимающих её догмы как научно-теоретическое основание своей активности, политическая пристрастность которой очевидна. Назову только три таких центра (хотя их значительно больше) в порядке времени их возникновения. Первый среди них – «Монпелерин сэсайти» (MontPelerin Society, электронный адрес – montpelerin.org), который создан неуемной энергией Фририха фон Хайека в 1947 году, получивший свое название по имени небольшого городка в Швейцарии, в котором состоялась первая конференция Монпелерин-общества. Хайек привлек к работе этого общества таких видных философов и экономистов как Карл Поппер, Милтон Фридман,

⁶ Либман А.М. Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики 2007, № 3, с. 36; Гуриев С.М.- Три источника и три составных части экономического империализма // Общественные науки и современность 2008, № 3, с. 135.

⁷ Алле М. Современная экономическая теория и факты // THESIS, 1994. Т. II, выпуск 4, с. 11.

⁸ Полтерович В.М. Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность, 2011, № 2, с. 109-110.

Морис Алле, Рональд Коуз, Джордж Стиглер и других знаменитостей. Президентами общества в разные годы были М. Фридман, Дж. Стиглер, Дж. Бьюкенен, Г. Беккер. Это общество стало воистину едва ли не главным международным центром разработки и применения либеральной идеологии. Помимо общих или «главных» (general) конференций, общество проводит «специальные» конференции. Последняя специальная конференция прошла в сентябре-октябре 2011 года в Стамбуле по проблеме «Страна, государство и свобода», одним из основных выступлений был доклад известного представителя «нового институционализма» Питера Бётке «Является ли неизбежным вмешательство государства в экономику?». Следующая общая конференция в 2012 году состоится в Праге, а общей её темой станет «Новые сферы для конкуренции». Участие известнейших авторитетов неоклассической теории в деятельности этого центра, темы конференций и основных докладов на них фактически обнаруживают не только активное политико-идеологическое обживание научной территории неоклассики, но и важную роль этого общества в постановке новых задач, новых направлений «развития» неоклассики - правда, это уже известно как сфера «нового институционализма», «экономического империализма» или «новой политической экономии». Большая часть российских экономистов мало осведомлена об этом.

Другим таким центром является Институт Экономических Проблем (Institute of Economic Affairs – IEA), возникший в 1955 году в Англии не без участия и консультирования со стороны Хайека. Маргарет Тэтчер однажды заявила, что успех её правительства был бы невозможен без деятельности этого центра. Когда Её Величество королева Великобритании после наступления финансового кризиса спросила «почему наши экономисты проспали кризис и где были наши Нобелевские лауреаты», она имела достаточно оснований использовать слово «наши», поскольку многие из них – от Дж. Бьюкенена, М. Фридмана и Дж. Стиглера до Э. Острома и О. Уильямсона проходили своеобразные «смотрины», участвуя в работе этого института, прежде чем быть представленными в Нобелевский комитет.

Третий такой центр – это Институт Катона (сайт – cato.org, русско-язычный сайт – cato.ru) известен хорошо своим полномочным представителем в России Андреем Илларионовым, бывшим немало лет экономическим советником российского президента. Этот институт хорошо известен своей активностью среди российского студенчества. Концептуальная «система» неоклассики в действительности лишена внутренней системности, поскольку не содержит свойств органичности. Она представляет собой определенную концептуальную схему, парадигму, но как собранную внешним образом механико-математическую конструкцию, имеющую, однако, ряд степеней защиты. Но реально это тот случай, о котором К. Маркс когда-то писал: «Этикетка системы тем отличается от этикетки товара, что может обманывать не только покупателя (например, студентов), но и продавца (Мэнкью и других профессоров неоклассического мейнстрима)». Письмо студентов-«забастовщиков» было размещено в студенческом журнале Гарварда – *Harvard Political Review*. Основателем этого журнала в 1969 году был Эл Гор, известный в дальнейшем американский политик – в качестве вице-президента США и как получатель Нобелевской премии мира. Другой автор этого журнала печально знаменит в России. Это Джеффри Сакс, который в 90-е годы стал чуть ли не главным консультантом по осуществлению «шоковой терапии» в странах Восточной Европы и России. Так или иначе, но этот журнал является очень хорошим примером Гарварда в предоставлении студентам возможности обретения опыта публичной политики уже с первых лет их учебы в университете.

Грэгори Мэнкью, пятидесятитрехлетний (возраст научной зрелости экономиста, когда сохраняется ещё и высокая мобильность ученого, преподавателя и журналиста!) профессор экономики хорошо известен как профессионал своего дела не только в Штатах, но далеко и за их пределами. Его учебник по макроэкономике переведен на русский и представляет почти эталон преподавания данного курса в России. Но Г. Мэнкью известен ещё и как регулярный автор статей в газете «Нью-Йорк Таймс» по экономическим вопросам, в

последние три года тесно связанных с экономическим кризисом и многообразными формами его отражения в политической, экономической и социальной жизни Соединенных Штатов. Словно предвидя нынешний демарш своих студентов в выпуске этой газеты полтора года назад, а именно 24 мая 2009 года он публикует статью, название которой по-русски лучше всего перевести так «Относительно того, что вводный курс для новичков не должен оставаться совершенно неизменным». Кажется, вполне сознавая, что какие-то изменения в таком курсе все же необходимы, Мэнкью, тем не менее, говорит, во-первых, о чисто формальных трудностях для того, чтобы отразить вал нынешних тревожных фактов в календарном учебном плане – план не может поспевать за событиями, а, во-вторых, подчеркивает необходимость в ряде случаев дополнительных научных теоретических исследований, что отодвигает ещё дальше возможность оперативного реагирования на текущие события в учебных лекциях. Но далее он обращает внимание на «другую», как он подчеркивает, «более фундаментальную причину», препятствующую внесению изменений в курс: «Несмотря на множество неблагоприятных недавних событий, принципы экономики в общем и целом остаются неизменными. Студенты нуждаются в том, чтобы понять выгоды, получаемые от торговли, от действия закона спроса и предложения, получить ясное представление об эффективности рыночного механизма. Эти темы должны будут оставаться повседневным содержанием вводных курсов». Таким образом, ещё полтора года назад Г.Мэнкью фактически отверг необходимость и саму возможность каких-либо изменений во вводном курсе по экономической теории.

Информация о выступлении студентов быстро разошлась по миру и вызвала уже немало откликов. Этот процесс внимательно отслеживается на сайте INET (Institute for New Economic Thinking – Институт за Новое Экономическое Мышление)⁹, что совершенно понятно, поскольку этот исследовательский центр начал свою деятельность два года назад инаугурационной конференцией с названием – «Экономический кризис и кризис в экономической науке». Тема этой первой конференции стала по существу точкой отсчета и в дальнейшей деятельности этого института. 20 ноября на сайте этого института появился прямой отклик на выступление гарвардских студентов против вводного курса Г.Мэнкью известного в Америке профессора экономики Принстонского университета Рабин Уэллс (Robin Wells) с очень выразительным названием «Мы все Грэги Мэнкью... или нет?». В этом очерке она выражает, прежде всего, сочувствие профессору Мэнкью, поскольку понимает, какую боль причинили молодые, быстрые на слова, мало ещё что понимающие и в экономической науке, да и в политической жизни студенты (текстуально именно здесь она говорит «мы Грэги», что означает просто, что «мы понимаем тебя, Грэг, мы переживаем вместе с тобой»), но далее, по сути дела, она приводит более профессиональные, более основательные аргументы в поддержку требований «новичков в экономике», которые, наверное, о серьезности своего демарша и не догадываются. Рабин Уэллс относится к тому же поколению американских экономистов, что и Г. Мэнкью, и хотя не так известна за пределами Америки, но не менее авторитетна у себя на родине. Совместно со своим мужем Полом Кругманом, который хорошо известен как экономист, журналист и Нобелевский лауреат, она готовит уже третье издание их совместной работы – «Принципы экономики». Она имеет значительный опыт преподавания и вводного, и основного курса экономики в престижных университетах, поэтому к её аргументам нельзя не прислушиваться.

Подчеркнув, что она не собирается критиковать преподавательские подходы Мэнкью – каждый преподаватель имеет свои педагогические и политические предпочтения, Уэллс обращает внимание на необходимость все же определенного сдвига в преподавании вводных курсов вообще, особенно с учетом современной ситуации в США: усложнения ситуации на рынке труда, возрастания неравенства в доходах, снижения уровня жизни для большей части населения при возрастании доходов 1% или 0,1% населения. Она не может при этом не подчеркнуть «бесценность» идеи «аллокации ограниченных ресурсов», подтверждая тем

⁹ Официальный сайт этого института – <http://ineteconomics.org>

самым свою приверженность предпосылкам и содержанию неоклассической теории, но все же обращает внимание на недопустимость одностороннего восхваления достоинств «свободных рынков» и игнорирования их ограниченности при попытке «приложить концептуальные принципы к реальному миру». Уэллс выделяет ряд путей, по которым этот сдвиг может быть осуществлен. Она считает недопустимо рассматривать выступление студентов просто как проявление их «лености мысли или рисовки». И она вполне сознает, что на некоторые вопросы студентов нельзя дать ответа сразу же во вводной части экономической теории – это можно будет сделать только в более продвинутых темах. Но, с её точки зрения, будет совершенно неправильным просто проигнорировать этот факт, рискуя возрастанием неприятия экономики как теории в глазах публики, что ещё в 90-е годы выразилось в заметном сокращении поступающих на экономические специальности, и снижением авторитета профессии экономиста вообще. Сегодня Карлейлевское определение экономики как «мрачной науки» (dismalscience) обрастает дополнительными весьма непрезентабельными эпитетами.

Необычность произошедшего обусловлена тем, что выступление студентов произошло в стране, экономисты которой (далеко не всегда исконные американцы) задают тон по всему миру в понимании и интерпретации экономической теории мейнстрима. Необычность и в том, что это произошло в Гарвардском университете, в старейшем и одном из самых авторитетных, богатейших и респектабельных учебных заведений США. Вообще-то, выступление гарвардских студентов, выразивших недовольство нынешним преподаванием экономической науки, не является первым случаем в Америке. В 2008 году с более развернутой критикой практики экономического образования в США выступили студенты католического Университета Нотр-Дам в штате Индиана. Но оно прошло почти незамеченным: одно дело Гарвард, другое – «какой-то там» Нотр-Дам.

Нынешняя забастовка гарвардских студентов и их «открытое письмо» представляют собой отдаленное и сильно ослабленное эхо другого открытого письма – петиции французских студентов летом 2000 года, опубликованной в парижской газете «Монд». Оно сразу же получило широкий отклик во многих европейских странах. Министр образования Франции пообещал создать комиссию, но дело никак не подвинулось. Есть смысл привести это письмо полностью, поскольку оно написано не студентами-новичками, а студентами старших курсов, включая тех, кто работает по программе докторских диссертаций. Вот это письмо:

**«Открытое письмо студентов,
изучающих экономическую теорию,
профессорам и другим лицам, ответственным за преподавание этой дисциплины**

Мы, студенты-экономисты разных стран мира, заявляем, что мы принципиально неудовлетворены получаемым нами преподаванием экономики.

Для этого имеются следующие причины.

Мы хотим вырваться из выдуманного мира!

Подавляющее большинство из нас выбрало изучение экономической теории для того, чтобы максимально глубоко понять те феномены экономики, с которыми сегодня сталкиваются граждане. Однако то обучение, которое мы получаем, в большинстве своем состоящее из неоклассической теории или подходов, производных от нее, в целом не отвечает нашим ожиданиям. Даже тогда, когда теория обоснованно абстрагируется на первом этапе от случайностей, она в дальнейшем не возвращается к их объяснению. Фактическая сторона (исторические факты, функционирование институтов, изучение поведения и стратегий агентов...) почти не существует. Более того, этот отрыв преподавания от конкретных реалий создает огромные проблемы для тех, кто хотел бы быть в дальнейшем полезен для экономических и социальных акторов.

Мы против бесконтрольного использования математики

Инструментальное использование математики является необходимым. Но математическая формализация, когда она является не инструментом, а скорее чем-то самодостаточным, ведет к настоящей шизофрении по отношению к реальному миру. Формализация упрощает конструирование неких моделей и манипулирование с ними, польза от чего ограничена нахождением «хорошего результата» (т.е. такого результата, который логично вытекает из первоначальной гипотезы) для того, чтобы иметь возможность написать «хороший материал». Этот обычай, под предлогом претензий на научность, помогает лишь оценивать и выбирать [некоторые варианты – доп. переводчика], но никогда не отвечает на вопросы, которые мы ставим в отношении современных экономических дискуссий.

Мы выступаем за плюрализм подходов в преподавании экономической теории

Преподаватели слишком часто не оставляют места для рефлексии. Из множества, существующих подходов к экономическим проблемам нам как правило дается только один. Этот подход претендует на то, чтобы объяснить все чисто аксиоматическими средствами, так, как будто это является истиной в последней инстанции. Мы не принимаем догматизм. Мы хотим плюрализма подходов, адекватного многообразию и сложности объектов и неоднозначности решений, характерных для большинства больших проблем экономики (безработица, неравенство, место финансовых рынков, достоинства и недостатки свободной торговли, глобализации, экономическое развитие и т. д.).

Обращение к преподавателям: проснитесь, пока не поздно!

Мы понимаем, что наши преподаватели сами являются объектом определенного принуждения. Тем не менее, мы обращаемся ко всем тем, кто понимает наши интенции и хочет изменений. Если серьезные реформы не будут проведены в ближайшее время, существует огромный риск, что студенты, чья численность уже сокращается, начнут отказываться от изучения экономической теории в массовом порядке. Но не потому, что у них нет к ней интереса, но потому, что их отрезают от изучения реальности и проблем, существующих в современном мире.

Мы не хотим более иметь эту навязанную нам аутистическую науку.

Мы не просим невозможного, но только преобладания здравого смысла.

Мы, таким образом, надеемся быть услышанными. Очень скоро».

К сожалению, они все ещё не услышаны.

Серьезность и основательность аргументации обоих писем студентов еще в 1991 году по существу присутствовало в чисто академическом документе – отчете об изучении качества программ по подготовке докторов экономики в США авторитетной комиссией, в состав которой входили К. Эрроу, Дж. Стиглиц и другие известные экономисты. Результаты её работы опубликованы в Журнале Экономической Литературы.

В отчете отмечается: «Комиссия имеет опасения, что программы подготовки аспирантов могут способствовать выпуску слишком большого числа «странных ученых», получивших технические навыки, но абсолютно наивных по отношению к реальным экономическим проблемам». Оригинал этого заключения компактней и звучит намного

резче: «The Commission's fear is that graduate programs may be turning out a generation with too many idiots savants, skilled in technique but innocent of real economic issues»¹⁰.

18 января 2012 г.

© **А.И. Московский, 2012**

¹⁰ Journal of Economic Literature, 1991, Vol. 22, No. 3, p. 204.